

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сцена была моим раем.

Марлен Дитрих

Многогранное творчество, влияние на эстетический образ женщины двадцатого века превратили Марлен Дитрих в легенду еще при жизни. Среди величайших актрис классического голливудского кино Американский институт киноискусства в 1999 году отдал Марлен Дитрих девятую позицию. Она была символом блеска и роскоши Голливуда. Кинозрители всего мира считали ее олицетворением совершенной женщины.

Марлен Дитрих была широко известна как популярная певица, с триумфом выступала на самых престижных сценах мира. Выразительный тембр голоса, жестковатое контральто выделяли ее среди других исполнительниц.

Жизнь этой женщины прошла под пристальным вниманием публики, жадной до сенсаций и скандальных историй. Признанная красавица, сотканная из противоречий и окруженная знаменитыми мужчинами, она была постоянным объектом сплетен, домыслов, пересудов и скандальных публикаций.

Эксперты киноискусства называли актрису и певицу Марлен Дитрих секс-символом. Многие люди, знавшие эту женщину, отмечали в ней парадоксальное сочетание порока и невинности, вызывающей сексуальности и неприступности.

Дитрих заметно влияла на моду и на женское сознание. Благодаря ей в корне изменилось представление о том, что позволено носить женщине. Многие современницы подражали ее стилю и манере поведения. Кулинарные рецепты Марлен, которые публиковались

в женских журналах, домохозяйки заучивали наизусть. Женщины всего мира с гордостью хвастались блюдами, приготовленными по ее рецепту.

Марлен Дитрих жила во времена цивилизационных потрясений, противостояния мира с фашизмом. Немецкой актрисе довелось сделать болезненный выбор между любовью к родине, родному городу Берлину и общечеловеческими ценностями. Для многих жизнь в тридцатые-сороковые годы прошлого века в Германии, бывшей символом бесчеловечности, была достаточным оправданием толерантности к идеологии и политике фашизма. Марлен Дитрих бесстрашно боролась против него собственными средствами в тылу и на фронтах Второй мировой войны.

В своем эпистолярном творчестве Марлен Дитрих донесла до нас дух динамичного и безжалостного двадцатого века, дала меткие и точные характеристики многих знаменитостей того времени, которых хорошо знала.

Судьба сильной и талантливой женщины Марлен Дитрих, замешанная на искусстве, политике и сексе, стоит того, чтобы осознать ее роль и влияние на развитие общества, на формирование социальной позиции современной женщины.

СЕМЬЯ

Мама была тверже пола под ногами, когда я была маленькой. Тверже скалы, когда нужна поддержка, и много тверже скалы в тот момент, когда стоишь без помощи и готов бежать сломя голову.

Марлен Дитрих

Марлен Дитрих родилась 27 декабря 1901 года в Шёнеберге, который с 1920 года является районом Берлина. Девочку нарекли именем раскаявшейся грешницы Марии Магдалины.

Отец девочки — Луис Эрих Отто Дитрих — в восьмидесятые годы девятнадцатого века служил в уланских войсках. За свои заслуги был неоднократно награжден. В момент рождения дочери был лейтенантом полиции. Когда Марии Магдалене было шесть лет, отец умер от сифилиса после долгого, но безуспешного лечения в специальном санатории, расположенном в районе Вестэнд. Так что об отце у Марлен Дитрих остались смутные представления. В своих воспоминаниях она называет отцом Эдуарда фон Лоша, за которого ее мать вышла замуж в 1914 году.

Мать Марии Магдалены — Вильгельмина Элизабет Йозефина, урожденная Фельзинг, происходила из богатой семьи. Родители Йозефины владели известным на весь город ювелирным и часовым магазином. Совсем еще молоденькой девушкой Йозефина влюбилась в бравого улана Луиса Дитриха. Родители были недовольны простым происхождением избранника Йозефины. Но вопреки их мнению Йозефина в 1898 году вышла за Луиса Дитриха замуж. У них 5 февраля 1900 года родилась первая дочь — Элизабет Оттилия Йозефина, или Лизель, как ее звали дома.

Йозефина — сильная, храбрая, волевая женщина с твердым характером и железными принципами — являлась воплощением истинной порядочности, имела очень развитое чувство долга. На нее можно было всегда положиться. Внешность матери девочек была так же прекрасна, как и черты ее личности. У своих дочерей она вызвала и благоговейный страх, и глубокое уважение. Мать всегда следовала своим строгим, но ясным и определенным правилам, самым главным из которых считала всегда

придерживаться требований дня. Даже обычную домашнюю работу она превращала в увлекательное занятие.

Другим незыблемым правилом Йозефины была верность. Сталкиваясь с проявлениями неверности, она приходила в ужас, была непримиримой и беспощадной в своем осуждении. А вот при возникновении эмоциональных конфликтов проявляла понимание. Она считала, что доведенный до крайности человек попадает под власть эмоций, теряет контроль над собой и нуждается в сочувствии и поддержке, а не в осуждении.

Мать всегда была очень сдержанной с Марией Магдаленой. Она могла поцеловать ее мимолетно, как бы небрежно, а не так, как целуют и обнимают детей в порыве нежности другие матери. Чем старше становились девочки, тем меньше мать проявляла свои чувства. Однако Мария Магдалена чувствовала себя рядом с матерью защищенной и ничего не боялась: ни врага, ни ядовитых газов, ни чумы, как позже она писала в своих воспоминаниях. Девочке казалось, что с матерью она могла бы и в клетку с тигром войти.

ДЕТСТВО

Мать воспитывала девочку в строгости. С раннего детства ей прививали понимание того, что прилично джентльмену и леди. Самостоятельные прогулки пятнадцатилетней барышни в семье считались верхом неприличия.

Марию Магдалену очень рано научили контролировать себя. Если человек поддается своим чувствам, то он является источником беспокойства и обузой для окружающих, твердила ей мать. Йозефина воспитала в дочери уверенность, что выставлять напоказ свои чувства — это самое

худшее проявление невоспитанности, дурных манер. Мария Магдалена прочно усвоила правило, что не стоит жаловаться окружающим, а тем более матери. Следует скрывать от чужих глаз слезы, чтобы сохранить достоинство. Потому понятно, почему во взрослой жизни Марлен Дитрих «крепко держала себя в узде», как она выражалась.

Держи язык за зубами, если не можешь предложить что-то взамен того, что тебе не нравится.
Марлен Дитрих

Другим правилом жизни Марии Магдалены стало подчинение логике, которую она понимала и любила, считала путеводителем по лабиринту законов, правил и авторитетных мнений. Марлен Дитрих высоко ценила умение людей логически мыслить.

Огромное влияние на воспитание будущей знаменитости оказала ее бабушка — мать Йозефины. Яркий образ этой женщины Марлен Дитрих запечатлела в своих воспоминаниях, описывая ее как совершенную во всех отношениях женщину. Она запомнила свою бабушку как высокую и стройную, элегантную, остроумную и веселую, умевшую выглядеть много моложе своего возраста женщину с «темно-рыжими волосами и бархатными глазами переменичивого цвета». Девочка считала свою бабушку самой прекрасной из всех женщин, которая носила дорогую одежду, а перчатки и обувь — изготовленные по заказу. Она не считалась с тем, что носил весь мир, а сама задавала тон в моде. Многие черты этой женщины позже отчетливо проявились в самой Марлен Дитрих, которая любила дорогую одежду, носила обувь, изготовленную по заказу, настолько пренебрегала установками и запретами в одежде, что передела женщин в брюки, преклонялась перед красотой...

Бабушка любила лошадей, каждое утро ездила верхом. Она проезжала мимо в тот момент, когда Мария Магдалена выходила из дома, направляясь в школу. Бабушка останавливалась, целовала девочку через вуаль, обволакивая ее запахами утренней свежести и ароматами духов. Она окружала внучку любовью, нежностью и осыпала подарками. Именно бабушка пробудила в ней любовь к прекрасному. Картинки на шкатулках Фаберже в ее доме, бледно-розовый жемчуг, обвивавший ее шею, рубины на ее пальцах были для маленькой девочки эталонами красоты.

Мария Магдалена с нетерпением ожидала, когда в дом бабушки приедет француз, чтобы принять заказы на новую обувь к началу сезона. Он привозил много обуви на примерку. Бабушка разрешала внучке балансировать ее туфелькой на пальце, приговаривая: «Вот какими легкими они должны быть».

Когда Мария Магдалена приходила к бабушке, та сбегала ей навстречу вниз по широкой лестнице в узком шелестящем платье. Бабушка снова и снова произносила имя девочки, опускалась перед ней на колени, нежно обнимала, целовала. Для Марии Магдалены наступали минуты счастья. В годы войны бабушка никогда не говорила с ней о горе, которое пришло в каждую семью, о войне, которая поглотила всю страну. Они говорили о письмах с фронта, о чем-то хорошем, что не могло разрушить ощущение счастья от их общения.

В памяти Марлен Дитрих ее бабушка осталась реальной в своем совершенстве. Но в то же время она была для нее желанным, но недостижимым и манящим миражом.

Мать Марии Магдалены стала вдовой совсем еще молодой женщиной. Со всеми проблемами ей доводилось справляться одной. Семья оказалась в стесненном положении, однако Йозефина приложила максимум

усилий, чтобы дать дочерям достойное образование. Домашние учителя и гувернантки с раннего детства обучали девочек литературному немецкому, французскому и английскому языкам. Сестры музицировали, были начитанны, усвоили правила этикета.

В 1907 году Марию Магдалену отдали в школу имени Августы Виктории на Нюрнбергер-штрассе. К тому времени она уже умела читать, писать, немного считать и говорить по-французски. Девочку определили во второй класс, в котором она оказалась младше своих одноклассниц. Школьные ворота оказались для Марии Магдалены настолько тяжелыми, что она толкала их спиной, чтобы открыть. Каждое утро девочка с большим трудом преодолевала этот барьер. Мария Магдалена не интересовалась тем, о чем ее сверстницы перешептывались друг с другом на переменах, о чем они хихикали. Она чувствовала себя одинокой и была замкнутой. Марлен Дитрих всю жизнь помнила чувство одиночества, которое она остро испытывала в первые годы учебы.

Однако девочка встретила человека, который смог растопить ее одиночество. Это была учительница французского языка — мадемуазель Маргарита Бреган. В памяти Марлен Дитрих сохранился образ этой женщины: темно-карие глаза, темные волосы, собранные на затылке в мягкий узел, белая блуза, черная юбка с узким поясом на талии.

Маргарита Бреган была француженкой. Она свободно говорила по-немецки, но с французским акцентом. Она преподавала в старших классах, ученики которых уже овладели основами французской грамматики.

Однажды на перемене, заметив печальную, одиноко стоящую у высокого окна Марию Магдалену, учительница подошла к ней. Она заговорила с девочкой, сказав, что грех печалиться без серьезных причин. Мадемуазель

Бреган говорила по-немецки, но слово «грех» произнесла по-французски. Как только прозвенел звонок, учительница ушла, но на следующий день снова появилась.

Каждый день мадемуазель Бреган оказывалась на том же месте, и они говорили по-французски. Мария Магдалена отвечала на все ее вопросы. Учительница удивлялась большому запасу слов ученицы. Маргарита Бреган узнала, чем живет девочка, что ее беспокоит, о чем она мечтает, на что надеется. Мария Магдалена радовалась этим встречам. Когда их разговоры прерывал звонок, девочка шла следом за учительницей и несла ее книги. Мадемуазель Бреган входила в классную комнату и провожала девочку взглядом, закрывая дверь. А Мария Магдалена бежала по пустому коридору, чтобы не опоздать к началу своего урока. По окончании уроков мадемуазель Бреган ожидала прихода гувернантки девочки. Иногда она сопровождала их, чтобы досказать очередную историю. Когда школьные занятия закончились, на листке, вырванном из блокнота, Маргарита Бреган написала маленькой подружке свой адрес.

Общение с мадемуазель Бреган отогнало одиночество и детскую печаль маленькой Марии Магдалены. Крепко привязавшись к учительнице, девочка придумывала для нее маленькие презентики. Она дарила ленточки голубого, белого, красного цвета, которыми ее мать украшала прическу, когда отправлялась на французский бал; французские пейзажи, вырезанные из журналов; букет ландышей. А 14 июля, в день празднования взятия Бастилии, подарила букетик из васильков, маргариток и маков. Она покупала для нее французские рождественские и новогодние поздравительные открытки. Мария Магдалена хотела подарить мадемуазель Бреган даже французские духи, но мать отговорила ее, сказав, что дорогой подарок может ее смутить.

Когда мадемуазель Бреган стала преподавать французский язык в ее классе, Мария Магдалена не отрывала глаз от учительницы. А Бреган лишь иногда бросала украдкой взгляд в ее сторону. Эти отношения создавали у девочки ощущение счастья. Общение с Маргаритой Бреган сформировало у Марии Магдалены любовь к Франции и французскому языку, которую она сохранила на всю жизнь.

Позже Марлен Дитрих вспоминала, с каким энтузиазмом она работала над своими французскими сочинениями, подыскивала более красивые фразы. Она старалась использовать все богатство французского языка, как ее учила мадемуазель Бреган. Девочку восхищали примечания учительницы на полях тетрадей, написанные красными чернилами. Они всегда были лаконичными, похожими на телеграфный текст. Благодаря присутствию мадемуазель Бреган школа перестала быть для Марии Магдалены тюрьмой. Дорога в школу была радостным началом счастливого дня. Позже в своих воспоминаниях Марлен Дитрих сравнила школу тех лет с большим городом, в котором жила ее тайная верная любовь.

В июне 1909 года мать Марлен Йозефина вышла замуж за старшего преподавателя гимназии Ульриха Густава Генриха Бюнгера, но два года спустя этот брак распался. Новым увлечением Йозефины стал происходивший из старинного дворянского рода обер-лейтенант Эдуард фон Лош.

Одни авторы пишут, что в одиннадцать лет, другие — что гораздо позже, в 1918—1920 году, Дитрих отказалась от своего громоздкого двойного имени. Но, во всяком случае, она реализовала свою идею в очень раннем возрасте. Девушка прислушивалась к звучанию каждого слога своего двойного имени, переставляла их местами, сливала вместе, создавая себе новое имя. В итоге

она превратилась в Марлен, соединив два имени в одно. Всему миру актриса известна как Марлен Дитрих. Возражая тем, кто считал это имя артистическим псевдонимом, Марлен подчеркивала, что это ее настоящее имя, что она взяла фамилию своего отца — Луиса Дитриха. В семье ее по-прежнему называли Лена, Лени, а иногда Поль.

Когда ставшая уже знаменитой Марлен Дитрих отказалась вернуться в Германию и сотрудничать с фашистским режимом, а затем и вообще демонстративно приняла американское гражданство, гитлеровская пропаганда распускала вокруг ее имени самые вздорные слухи. Известно даже абсурдное утверждение, что ее имя составлено из фамилий Маркс и Ленин, потому что она коммунистка. Имя актрисы, которая, как на первый взгляд казалось, была далека от политики, вдруг обрело политическую окраску. Это удивляло и саму Марлен Дитрих. Но на самом деле это закономерно. Никто не может быть далек от политики, потому что в сложном и противоречивом мире каждый человек занимает определенную позицию, обретает определенные ценности. Марлен Дитрих, в отличие от многих немцев, заняла антифашистскую позицию, боролась с фашизмом доступными ей средствами. Потому актриса не была далека от политики, как и каждый боец союзных войск, она была на передовой своими гастрольями, песнями, своим отказом сотрудничать с фашистами.

Жизненные ценности Марлен Дитрих формировались в значительной степени под воздействием пережитых в детстве и юности социальных потрясений, которые в истории известны под названием Первой мировой войны.

После летних каникул 1914 года всех учеников и учителей школы, где училась Марлен, собрали в большом актовом зале. Со сцены звучали громкие речи, не совсем понятные детям. Стайкой сгрудились у сцены преподаватели латыни, французского, английского, греческого

языков. Марлен становилась на цыпочки, чтобы найти мадемуазель Бреган среди них. Но не находила. Не было ее и среди преподавателей физики и математики. Не появилась она даже тогда, когда прозвенел школьный звонок и все классы начали строем медленно выходить из актового зала.

Девочка с ужасом вдруг осознала, что Маргарита Бреган ведь француженка, она, как и Франция, — теперь враг! Германия ведет войну с Францией, и мадемуазель Бреган не может быть здесь. Эта мысль потрясла девочку настолько, что она едва не лишилась чувств. Окружающие приняли полуобморочное состояние девочки за следствие духоты в актовом зале и дали ей воды.

После уроков Марлен наблюдала, как немецкие солдаты маршировали по улицам с цветами на ружьях, смеялись, пели, целовали женщин. Жители города вывешивали из окон флаги в честь большого праздника — начала похода на Францию. Начало войны в Германии отмечали с цветами на пушках.

Однако заставить Марлен Дитрих воевать с Францией не мог никто. Она преданно любила Маргариту Бреган, любила Францию, любила Париж, французский язык, бывший таким нежным и близким. Марлен любила эту страну задолго до того, как в ней побывала. Гораздо позже Марлен Дитрих писала, что ее любовь к Франции «лишена следа логики или рассудка».

Пылкая любовь юной Марлен Дитрих к Франции пережила первый шок, когда началась Первая мировая война. Но она не угасла, а только спряталась, ушла в подполье. Девочка никому не говорила об этом и не испытывала никакого чувства вины. Противостояние маленькой девочки жестокой реальности проявлялось в том, что она упорно опускала в школьную кружку пожертвований десять пфеннигов — свои карманные

деньги на неделю. Это был штраф за употребление вражеских французских слов. Таким приемом власть стремилась выжечь из детских душ память и любовь к Франции. Марлен сопротивлялась устремлениям власти, сохраняя воспоминания о француженке Маргарите Бреган. Она снова воспринимала школу серой, такой, какой она была до мадемуазель Бреган. Свои детские ощущения Марлен Дитрих сохранила на всю жизнь.

Девочка чувствовала себя ограбленной, потеряв Маргариту Бреган и французский язык. С приходом войны ушло обыкновенное детство: школа, каникулы, праздники и пикники, лето с гамаками и пляжами... Не было ни планов на будущее, ни уверенности в нем, потому что шла война. Осталась одна мечта: не успеть повзрослеть, пока идет война.

Школьников обучили вязанию, выдали шерсть защитного цвета. В часы первых уроков они вязали разные вещи для солдат: для молодых — напульсники, старых — пуловеры, шарфы. Дети сидели на корточках в классе и при тусклом свете позднего зимнего утра с восьми до девяти утра вязали, чтобы согреть немецких солдат на чужой земле.

На летних каникулах несколько учителей устроили для детей летнюю школу в деревне. Марлен также отправили туда. В летней школе была совершенно другая, чем в Берлине, обстановка. Радостные и загорелые учителя проводили уроки на открытом воздухе. Никто не говорил о войне, поэтому детям казалось, что ее вообще нет, хотя совсем рядом был расположен лагерь военнопленных. Но детям запрещалось туда ходить.

Однажды в солнечный день Марлен делала уроки на веранде. Когда она машинально написала дату — 14 июля, то почти вскрикнула, что ведь это День взятия Бастилии! Она называла этот день праздником всех праздников,

«гордым днем Франции», и не могла оставить его без внимания. Девочка решилась на совершенно отчаянный поступок. До наступления сумерек собрала в саду охапку белых роз и устремилась на опушку леса. Марлен плакала от острых шипов роз, которые впивались в кожу сквозь тонкое летнее платье, и от страха и решимости реализовать свой план. Она бежала не оглядываясь, пока не наткнулась на колючую проволоку. По другую сторону проволоки стояли пленные французские солдаты. С темными бородами и усами, темными грустными глазами, они были неподвижны. А в деревне зазвонил колокол.

Девочку охватил страх, что, хорошо заметную в белом платье и с букетом белых роз, ее обнаружат и она не сможет исполнить задуманное. Но сдвинуться с места у нее не было сил. Так и стояли они неподвижно по обе стороны колючей проволоки. Колокол умолк, Марлен протянула розы через проволоку. Французы не пошевелились. Тогда она залепетала на лучшем своем французском, что в день взятия Бастилии их должны бы обрадовать эти розы, и держала цветы впритык к проволоке. Одна за другой к ней потянулись руки, и девочка быстро проталкивала розы через проволоку в полной тишине.

Сердце Марлен выпрыгивало из груди, когда она бежала обратно, кралась через подвал в дом. Она думала, что день взятия Бастилии закончился спокойно, ее отсутствия никто не заметил. Оказалось, что это не так, когда ранним утром следующего дня к ее матери пришел один из учителей. Учителя готовы были простить и забыть этот детский поступок. Но законопослушные матери школьных подруг требовали немедленно исключить Марлен из школы.

Мать не сердилась, ее голос был ровным и спокойным. Девочка заплакала, но не услышала в ответ ее обычного выражения: «Дочь солдата не плачет!» Подняв

голову, Марлен увидела, что мать молча смотрит на нее со слезами на глазах.

В эти дни Марлен много размышляла о справедливости. Все смешалось в ее голове, отчетливой была только мысль, что война — это несправедливость. Когда идет война, то ложь и правда остаются неизменными только среди детей. Для них действуют вечные, понятные, нерушимые древние законы. Во взрослом мире правда и ложь изменчивы и ненадежны, пришла к выводу юная Марлен.

Девочка думала о Боге и о мадемуазель Бреган, которые покинули ее. Она не сомневалась, что Бог вернется, когда закончится война. Ведь Он должен вознаградить тех, кто пострадал в войне, которую Он допустил. А вот в мадемуазель Бреган она сомневалась. Девочка не видела причин для возвращения мадемуазель Бреган после войны. Люди могут оставаться врагами и после того, как сражение окончено, думала она.

Лето закончилось, и Марлен вернулась в Берлин. В огромном школьном дворе девочка стояла среди своих подруг и пела: *Deutschland, Deutschland über alles* — «Германия превыше всего». А вслед за этим разнесся клич: «Боже, покарай Англию!»

Германия находилась в самом центре трагических событий мировой катастрофы — Первой мировой войны. Она резко изменила жизнь семьи Марлен Дитрих, как и большинства немецких семей. Жертвами войны стали убитые на фронте ее дядя и двоюродные братья.

Возлюбленный матери Марлен Эдуард фон Лош в 1914 году находился на маневрах. Когда вспыхнула война, он был произведен в капитаны и ожидал отправки на фронт. Фон Лош спешно женился на Йозефине, хотя его мать не давала на это своего согласия. Дочери Йозефины после второго замужества матери носили фамилию Лош. Капитан Эдуард фон Лош был отправлен

на Восточный фронт. Он часто писал Йозефине письма, в которых описывал природу, ландшафты, рассказывал о лесах, деревьях, дожде, солнце и ветре, о временах года. Он никогда не писал о войне.

В столице устраивали праздники в честь побед на фронте, дети получали свободные от школьных занятий дни. Свободные дни также получали семьи за смерть близких, погибших на фронте. Все больше девочек отсутствовало на уроках и носило черные одежды.

Приветствую обычай носить траурное платье. Оно внушает уважение к скорби, а вуаль не только закрывает лицо, но и гасит блеск глаз. Женщина в трауре получает внимание как раз в то время, когда она в этом нуждается.

Марлен Дитрих

В конце каждого дня Марлен с матерью шла к ратуше читать списки раненых, списки убитых, списки пропавших без вести. Девочка наблюдала, как каждый раз, приближаясь к этому месту, мать замедляла шаги, стремясь хоть немного отдалить страшную весть, в ожидании которой жили все женщины и дети в те дни. Рядом с ними было много женщин и детей, которые тоже читали эти скорбные списки. Мать тихо стояла у списков, вывешенных на стене. Под запотевшим стеклом, грязным от прикосновения тех, кто, как и она, читал их, она со страхом искала дорогое имя, которое не хотела найти. Уже в темноте, когда в городе зажигались фонари, она доходила до последних фамилий. В ее повлажневших глазах девочка видела радость облегчения. «Пойдем домой, Поль, — говорила она, — мы откроем консервы, которые я приберегла для особого случая, и это будет прекрасный вечер». Когда мать была счастлива, она называла Марлен этим

французским именем. А слово «консервы» она произносила не жестко по-немецки, а по-французски.

Взрослые пытались оградить детей от всеобщего горя, разговаривая на семейных встречах полушепотом: в доме дети, они ничего не должны знать. Но траурные вуали и черные одежды говорили об этом без слов. Дети жили надеждой, что они еще не вырастут, пока идет эта страшная война. Женщины без мужей кормили, одевали, присматривали за детьми. Единственным, их главным желанием было сохранить их здоровье.

Каждый раз, когда в дверь звонили, Йозефина бежала навстречу звонку. Даже когда она знала, что это не мог быть почтальон, все равно бежала. Она бежала, потому что всегда ждала писем с фронта. Половина ее бытия сводилась к ожиданию. Другая половина была для повседневных дел. Марлен навсегда запомнила, как мать говорила, что у нее такая же судьба, как и у миллионов женщин, как, низко склонив голову, говорила о смерти, словно ждала ее.

Капитан Эдуард фон Лош, тяжело раненный на Восточном фронте, был нетранспортабелен. С разрешения высшего командования Йозефина поехала на фронт, чтобы «дать утешение своему мужу», как говорилось в телеграмме. Эдуард фон Лош скончался 16 июля 1916 года от гангрены. Йозефина снова уехала, чтобы забрать с чужой земли гроб с его телом. Она должна была установить его личность, а затем привезти в город, где жила его мать. Йозефина предоставила матери своего мужа право похоронить сына у себя. Материнскую любовь она ставила превыше всего.

Большинство мужчин из большой семьи Марлен погибли на фронте. Их обездоленные вдовы собирались в доме Йозефины, которая окружала их заботой и нежностью. Считая, что им нужна помощь и моральная и физическая